

ETHNO-NATIONAL VICTIMIZATION OF UKRAINIAN SOCIETY IN THE DISCOURSE OF THE SCIENTIFIC ELITE OF UKRAINE: TRENDS AND CONTENT¹

Daria V. Makovskaya (a), Lyudmila N. Garas (b)

(a) Sevastopol State University. Russia, Sevastopol.
E-mail: 76mdvl[at]mail.ru ORCID 0000-0003-0935-2558

(b) Sevastopol State University. Russia, Sevastopol.
E-mail: garas_ln[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0391-652X

Abstract

The authors substantiate the thesis about the presence in the scientific discourse of Ukrainian researchers of ethno-national victimization of the population of Ukraine, which is based on the idea of imposing destructive scientific ideas by Russia to consolidate the Ukrainian society. The transformation and expansion of the main victimizing narratives present in the Ukrainian information field is revealed. It has been established that the main pattern of victimizing rhetoric of a part of the Ukrainian scientific community is the struggle of Ukraine against the “hybrid war” unleashed against it by the “Russian regime”, which is declared a key factor in the consolidation of Ukrainian society. In addition, the scientific discourse contains the idea of Ukrainianness in its ethnic refraction as the only way to preserve Ukrainian statehood in the face of an external threat, which contradicts the proclaimed thesis of the formation of a political rather than an ethnic nation. At the same time, the use of victimizing constructs for the formation of the concept of a mono-ethnic state is traced, and the multi-ethnic nature of Ukraine is considered as a product of Russian propaganda, introduced for the disintegration of the Ukrainian state.

Key words

hybrid war; consolidation; ethno-national victimization of the population of Ukraine; construct; multi-ethnicity; mono-ethnicity; Ukrainian society; scientific elite; discourse.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ The research was carried out with the financial support of the RFBR and ANO EISI within the framework of the scientific project No. 20-011-31790 "Conceptualization of the model of ethnonational victimization of the population of Ukraine on the example of the Kherson region, taking into account the all-Ukrainian and regional contexts of constructing the image of a victim."

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА В ДИСКУРСЕ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ УКРАИНЫ: ТЕНДЕНЦИИ И СОДЕРЖАНИЕ²

Маковская Дарья Владимировна (а), Гарас Людмила Николаевна (б)

(а) Севастопольский государственный университет. Россия, Севастополь.
E-mail: 76mdvl[at]mail.ru ORCID 0000-0003-0935-2558

(б) Севастопольский государственный университет. Россия, Севастополь.
E-mail: garas_ln[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0391-652X

Аннотация

В статье авторы обосновывают тезис о присутствии в научном дискурсе украинских исследователей этнонациональной виктимизации населения Украины, в основе которого лежит идея о навязывании Россией деструктивных для консолидации украинского общества научных идей. Выявлена трансформация и расширение присутствующих в украинском информационном поле основных виктимизирующих нарративов. Установлено, что основным паттерном виктимизирующей риторики части украинского научного сообщества является борьба Украины против развязанной против нее со стороны «российского режима гибридной войны», который объявляется ключевым фактором консолидации украинского общества. Кроме того, в научном дискурсе присутствует идея о об украинскости в ее этническом преломлении как о единственном способе сохранения украинской государственности перед внешней угрозой, что противоречит провозглашаемому тезису формирования политической, а не этнической нации. При этом прослеживается использование виктимизирующих конструктов для формирования концепта моноэтнического государства, а полиэтнический характер Украины, рассматривается как продукт российской пропаганды, внедряемый для дезинтеграции украинского государства.

Ключевые слова

гибридная война; консолидация; этнонациональная виктимизация населения Украины; конструкт; полиэтничность; моноэтничность; украинское общество; научная элита; дискурс.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31790 «Концептуализация модели этнонациональной виктимизации населения Украины на примере Херсонской области с учетом общеукраинских и региональных контекстов конструирования образа жертвы».

ВВЕДЕНИЕ. ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из доминирующей основ формирования общеукраинской идентичности является этнонациональная виктимизация населения Украины. Виктимизирующие конструкты продуцируются в качестве официальной политики конструирования идентичности на уровне государственной власти Украины, а также со стороны заинтересованных внешних акторов. Как утверждают авторы монографии «Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл», «вооруженная агрессия России стала долгосрочным фактором деструктивных воздействий на украинскую политическую, экономическую и социальную реальность. Чем дольше война продолжается, то ощутимыми становятся ее последствия, и не только для Украины, но и для международного мироустройства, всей системы международной безопасности. В то же время продолжительность этой войны доказывает нашу способность к сопротивлению агрессору. Вопросы войны и мира сегодня являются наиболее значимым для Украинского государства - от его решения зависит ее существование и будущее как независимой страны» (Парахонський & Яворська, 2019, стр. 7).

Общегосударственная повестка этнонациональной виктимизации³ трансформируется на уровне разнообразных по своим характеристикам и форматам множественной идентичности, имеющей региональную специфику, затрагивает сферу исторической памяти и приобретает характер социально-политических мифов.

Технологии виктимизации реализуются через тотальный информационный прессинг, что приводит к формированию конфликтной консолидации и мобилизации граждан Украины, направляет их вступать в «борьбу» с идентифицированным врагом. В качестве «врага» преподносится Российская Федерация, политика которой подается на официальном уровне и в информационном пространстве через призму нанесения «вреда» украинской государственности и украинскому народу как в исторической ретроспективе, так и в реализации современной внешней политики.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется тем, что одной из доминирующих основ формирования общеукраинской идентичности является этнонациональная виктимизация населения Украины, приводящая к формированию образа России в качестве

³ **Виктимизация** (лат. *victima*— жертва) — процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства лица или группы лиц. **Виктимизацию** изучают в рамках виктимологии, криминологии и других смежных дисциплин.

исторического врага, развязавшего против Украины гибридную войну, что очевидно препятствует нормализации российско-украинских отношений.

Задача настоящего исследования лежит в выявлении роли научной элиты Украины в формировании и обосновании антироссийских виктимизирующих дискурсов, определении их ключевого содержания.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается тезис о конструировании в украинском научном дискурсе украинской идентичности и консолидации украинского общества на основе сопротивления агрессии со стороны Российской Федерации, имеющих попытках обоснования консолидации украинского общества на этническом, а не политическом основании.

Элитологический аспект данной работы заключается в том, что виктимизирующие смыслы присутствуют и в риторике научной элиты Украины, которая фактически принимает участие в управлении государством через экспертное, аналитическое, консалтинговое участие в выработке значимых решений, в обосновании или опровержении социально-значимых идей и мнений. При этом представители научной элиты могут либо, обслуживая интересы политических элит и контрэлит, формировать или обосновывать политически ангажированные смыслы, либо продуцировать реальное научное знание.

МЕТОДОЛОГИЯ

Говоря о виктимизации населения Украины, мы сталкиваемся с необходимостью обоснования возможности конструирования комплекса жертвы на основании этнонациональной принадлежности, что невозможно без понимания феномена виктимности.

Анализируя существующие варианты смыслового наполнения термина «виктимность» в преломлении на заявленную тематику, можно с определенной долей допущения разделить их на две группы. К первой относятся определения, где в основу понимания виктимности заложена способность личности становиться жертвой преступления.

Ко второй группе можно отнести определения, где виктимность определяется через проявления у жертвы направленного вовне девиантного поведения.

Помимо индивидуальной виктимности, существует групповая виктимность, где ее проявления будут свойственны отдельным кате-

гориям людей, выделяемым по различным качествам и свойствам, в том числе по этнонациональной принадлежности.

Можно выделить следующие варианты проявления виктимологических аспектов этничности.

Во-первых, они выступают в качестве характеристики социальной среды жизнедеятельности этнических субъектов, способствующей формированию у них комплекса жертвы. Кроме того, виктимологический аспект может проявляться в контексте уязвимости этнических субъектов (на индивидуальном и групповом уровнях) по отношению к совершаемым в отношении них на основании деликтов, проявлениям неприязни по этническому признаку.

Во-вторых, можно рассматривать этническую идентичность в качестве маркера социальной группы, демонстрирующей виктимное поведение по отношению к реальному или сконструированному врагу, проявляясь через реализацию комплекса жертвы.

Наиболее операциональным для нашего исследования является определение комплекса жертвы, предложенное в работе Е.Н. Велешко: «Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымско-татарских репатриантов» (Велешко, 2007). На его основе применительно к этническим общностям мы будем рассматривать комплекс жертвы как совокупность реализующихся в социальных проявлениях психологических реакций, которые возникают вследствие влияния травмирующих исторических контекстов и общественно-политических условий развития социальных, в том числе этнонациональных, общностей, а также представлений о них, и формируют у них поведение жертвы как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Присутствие комплекса жертвы приводит к негативной, конфликтной консолидации и мобилизации этнической общности, которая реализуется через культивируемую борьбу с идентифицированным врагом. В роли условного «врага» выступает контактирующий этнос, государство, внешние субъекты. Они могут рассматриваться в коллективном сознании этнической общности как совершившие преступление по отношению к демонстрирующему виктимное поведение этническому субъекту.

Для поведения жертвы характерна агрессия по отношению к окружающему миру и идентифицированному преступнику, которого она стремится наказать. Вину за присутствующие у жертвы проблемы в различных сферах жизни она возлагает на внешнее воздействие и стремится получить компенсацию за причиненный явный или воображаемый ущерб. Соответственно, в данном случае поведение этниче-

ской общности будет носить агрессивные компенсаторные черты (Велешко, 2007) и может быть связаны с требованием сатисфакции, или возмещения причиненного ущерба.

При этом, рассматривая феномен виктимности вне поиска его онтогенетических оснований и основываясь на методологии социально-конструктивизма, мы можем говорить о виктимности, как социальном феномене и качестве социальной реальности, выступающем как «характеристика определенного общественного состояния» (Аникин 2017, стр. 152). Соответственно, виктимность как свойство общества-жертвы может конструироваться через внедрение различных деструктивных версий восприятия прошлого и мифологизацию социально-политической действительности. Значительную роль в этом играют представители научной элиты, которая фактически принимает участие в управлении государством через экспертное, аналитическое, консалтинговое участие в выработке значимых решений, в обосновании или опровержении социально-значимых идей и мнений. При этом научная элита может либо, обслуживая интересы политических элит и контрэлит, формировать или обосновывать политически ангажированные смыслы, либо продуцировать реальное научное знание.

ТРАНСФОРМАЦИЯ И РАСШИРЕНИЕ ВИКТИМИЗИРУЮЩИХ НАРРАТИВОВ

Основным паттерном риторики украинской государственной власти в отношении России является защита Украины от развязанной против нее со стороны «российского режима гибридной войны», которая, по мнению украинских исследователей, имеет «признаки войны за идентичность» (Парахонський & Яворська, 2019, стр. 251). Анализируя содержательное наполнение присутствующих в украинском информационном поле основных виктимизирующих нарративов, которые в постсоветский период активно использовались для геополитического дистанцирования от Российской Федерации и реализации идей виктимного национализма, можно констатировать их трансформацию, а также появление новых, соответствующих текущей социально-политической повестке дня.

В частности, одним из них является нарратив о голодоморе, который оценивается как триггер и рассматривается в украинской политике памяти «как массовое убийство, умышленное убийство голодом, которое было спланировано и осуществлено высшим советским руководством в отношении украинских крестьян» (Гриневиц, 2012). После политики инструментализации нарратива о голодоморе для выстраи-

вания национальной памяти Украины, которое наиболее ярко присутствовало при президенте Ющенко в 2005–2009 гг. (Пробелы и совпадения: исследование нарративов..., 2020, стр. 13-15), коннотация нарратива сменилась с «жертвенной» на «героическую». С 2014 года в акции в День памяти жертв голодомора проходят под лозунгом «Голодом убивали нашу свободу. Непокоренные в 33-м - непобедимы сегодня!» (BBC, 2014).

Интонация памяти по голодоморе сместилась со скорби о погибших на «фигуру выжившего и стратегии выживания – солидарность и коллективную ответственность» (Пробелы и совпадения: исследование нарративов...2020, стр. 13), эмоционально коррелируя с событиями на Майдане. Майдан позиционируется как сакральный момент объединения и героизации украинского народа, как момент победы над страхом, топосом освобождения от парализующей власти страха постгеноцидной нации – быть наказанным ни за что и казненным самым страшным способом» (Потапенко, 2015, стр.12), преодоление животного «выжить любой ценой» к «не бойтесь, мы бессмертные» (Потапенко Я. 2015, стр.12). При этом, в отчете «Украинцы об истории, культуре и польско-украинские отношения», подготовленном Институтом политических исследований Польской академии наук по результатам опроса, проведенного среди жителей Украины, 42 % опрошенных признавали, что Евромайдан принес Украине больше убытков, чем пользы, противоположного мнения придерживаются 22 % опрошенных (Stryjek, Konieczna-Salamatin & Zacharuk, 2020).

И если голодомор, как тяжелая травма украинского общества, и все нарративы об истории Украины как о постоянной борьбе за собственную государственность, стали основанием для создания украинской национальной идентичности (Пробелы и совпадения: исследование нарративов..., 2020, стр. 13-15), так теперь в совокупности с новым нарративом о Майдане и о сопротивлении гибридной агрессии России они становятся фактором, консолидирующим украинское общество. Продуцирование и обоснование новых смыслов виктимизации украинского общества, призванного довести до логического завершения формирование украинской нации прослеживается в работах украинских исследователей, которые как продуцируют новое содержание для виктимного национализма, так и углубляют старое. Готовность украинского общества противостоять внешним угрозам, в первую очередь со стороны России, позиционируется как основной объединяющий маркер для современной украинской нации.

Виктимизирующий конструкт о гибридной войне России против Украины фактически становится новым триггером консолидации

украинского общества. В частности, в украинском научном дискурсе продуцируется идея о том, что активизация сепаратистских тенденций в Украине стала результатом длительной практики вмешательства России в этнополитическую сферу и упрощённой процедуры предоставления российского гражданства гражданам Украины, финансовой, организационной и информационной поддержке российского меньшинства с целью дезинтеграции украинского общества (Красівський & Підбережник, 2019, стр. 41).

«Гибридной войне России против Украины» выделяется первое место среди негативных факторов этнополитического характера, составляющих угрозу национальной безопасности Украины. В частности, по мнению украинских исследователей, информационные, пропагандистские и силовые составляющие гибридной войны России привели к обострению межнациональных отношений в Украине, что привело к этнополитической нестабильности в Крыму и ее усилению через блокировку евроинтеграционных устремлений украинского государства, спровоцировало выход Крыма из состава Украины (Красівський & Підбережник, 2019, стр. 41).

При этом отдельным авторами констатируется сохранение на данный момент этнополитической дезинтеграции Украины, обусловленной низким уровнем правового регулирования статуса национальных меньшинств (Кресіна, 2019, стр. 206).

Тематика консолидации украинского нации является одной из наиболее дискуссионных и активно исследуемых научных элитой Украины с разных точек зрения. На протяжении всей новейшей истории независимости Украины вокруг нее велись оживленные научные дискуссии, в которых озвучивался тезис о разделенности Украины, которая в значительной степени определяла особенности развития украинской государственности.

Первая дихотомия, присутствующая в научном дискурсе, это существование «двух Украин», что признавалось как украинскими политиками, так и представителями научного сообщества. Согласно ей, Украина делится на «Запад» и «Восток» как на две цивилизационные составляющих украинского государства (Портнов 2010, стр. 105), где первая нацелена на европейскость и прогресс, а вторая – на сближение с Россией, реакционность через ностальгию по советскому прошлому. Сам концепт «двух Украин» давал основания для продуцирования образа «негативного другого» и сводил цель консолидации к конструированию образа «другого» из русских граждан Украины, порождая предмет для манипуляций и основания для дискриминационных практик.

Тем не менее, он по-прежнему достаточно широко распространен, сохраняет свое звучание и расширяет содержательное наполнение. В частности, по мнению М. Степико, социологические опросы фиксируют раздвоение части украинцев между Европой и «Русским миром» (Степико, 2019, стр. 262), и для консолидации украинского общества необходимо объединить «две Украины» (власть и народ), преодолеть состояние «расколотого общества» (Восток-Запад), утвердить европейские ценности (Степико, 2019, стр. 102-103).

По мнению С. Рымаренко, на одной территории в настоящее время сосуществуют две страны. Украина постсоветская, где имеются коррупция, воровство на всех уровнях и голосования за деньги, и Украина новая, успешно воюет, собирает деньги на армию и пытается запустить новые бизнес проекты (Рымаренко, 2017, стр. 286).

По мнению украинских исследователей, обязательным для Украины является завершение процесса отторжения российской идентичности через культурную и ценностную украинизацию, которая является безальтернативной, поскольку «то, что не будет украинизовано, обязательно будет русифицировано и потеряно Украиной» (Лосев, 2019, стр. 23).

Таким образом, в дискурсе украинского научного сообщества закрепляется идея о том, что путь консолидации Украины так или иначе лежат через преодоление указанных противоречий, но не через поиск компромиссов, а через наращивание антирусскости, в том числе через конструирование виктимизирующих смыслов. Как правило, они содержат обвинения России в военно-политической агрессии, аннексии Крыма и оккупации Донецка и Луганска. Более того, сам тезис о «двух Украинах» объявляется навязанным со стороны Российской Федерации для того, чтобы «провести через Украину демаркационную линию, посеять в нашей стране раздор, недоверие и вражду», добиться эскалации общественно-политического недоверия и подорвать украинскую государственность (Рафальський, 2018, стр. 9).

Безусловно, сам концепт «Двух Украин» представляется достаточно упрощенным, поскольку не учитывает всей мозаичности этого государства, наличия в украинском обществе множества линий разлома, противоречий между украинской гражданской и этнической идентичностью, между национальной и религиозной идентичностью, языковые и конфессиональные противоречия и так далее.

Например, в отчете «Украинцы об истории, культуре ипольско-украинские отношения», подготовленном Институтом политических исследований Польской академии наук обосновывается, что имеющиеся межрегиональные различия в украинском обществе не являются

основанием для утверждения о том, что по своей идентичности и коллективной памяти существуют две (по обе стороны Днепра) или четыре (Запад, Центр, Восток и Юг) Украины. Имеют место региональные различия, а кроме того, в последние годы, под влиянием военной угрозы, произошла консолидация украинского общества (Strujek, Konieczna-Salamatin & Zacharuk, 2020).

В исследовании Украинской миротворческой школы «Стратегии преодоления разделенного и травматического прошлого. Короткое видение для Украины» на основании социологических исследований и анализе больших массивов информации выделяют 4 исторических макрорегиона: Запад (Волинская, Ровенская, Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская и Черновицкая области. Закарпатская область демонстрирует определенную обособленность на фоне остальных областей макрорегиона), Центр (Житомирская, Киевская, Черниговская, Сумская, Полтавская, Хмельницкая, Винницкая, Кировоградская области), Восток (Харьковская, Луганская, Донецкая), Юг (Одесская, Николаевская, Херсонская, Запорожская и Днепропетровская области).

Вместе с тем авторы отмечают, что это разделение не несет угрозы национальному единству, поскольку динамика отношения к маркерным вопросам в отдельных регионах и в возрастных разрезах показывает довольно динамичные консолидационные процессы (Стратегія подолання поділеного і травматичного минулого. Коротке Бачення для України...).

На данный момент в Украине доминирует версия националистического порядка, в которых в качестве идеального образа «украинскости» позиционируются западные области Украины, а также провозглашается достижение консолидации украинского общества, хотя это противоречит объективной реальности. Хотя и отрицать значительный рост консолидации украинского общества на фоне борьбы с общим «врагом» после 2014 года нельзя. В частности, по результатам исследования «How Ukrainians Have Changed Over Last Nine Years: First results of the World Values Survey» (Musiyezdov, 2020), проведенного 2020 г. в рамках исследовательского проекта «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey, WVS) на вопрос «Насколько вы гордитесь тем, что являетесь гражданином Украины?» ответ «весьма гордятся» дали 47,5 % опрошенных и «очень гордятся» 34,7 % опрошенных. против 41,0 % и 26,0 % соответственно (67,0 % в целом), которые придерживались того же мнения в 2011 г.

При этом показательными являются результаты опроса относительно готовности с оружием в руках защищать независимость своей

страны, которые порождают вопросы о степени реальной консолидации украинского общества. О такой готовности заявило относительное большинство респондентов в Западном регионе (41%), отрицательный ответ дали – 32 %, тогда как в Восточном регионе относительное большинство (42 %) дают отрицательный ответ (положительный – 23 %). Среди этнических украинцев положительный ответ дают соответственно 32 %, негативный – 33 %, тогда как среди этнических русских о нежелании с оружием в руках защищать заявляют 42 % против 26 % (Основні засади та шляхи формування...2017, стр. 10–13).

Интересными в данном контексте представляются и результаты, которые демонстрируют рост ксенофобских настроений в Украине: 27,1 % не хотят, чтобы иммигранты и иностранные рабочие были их соседями; 24,8 % в 2020 г против 17,0 % в 2011 году не хотят, чтобы их соседи были людьми другой национальности; и 22,5% против 15,0 % не хотят, чтобы их соседями были люди других религий (Musiyezdov, 2020).

МОНОЭТНИЧЕСКАЯ НАЦИЯ КАК КОНСТРУКТ

Научной элитой обосновывается тезис об украинскости в ее этническом преломлении как о единственном способе сохранения украинской государственности перед внешней угрозой, что противоречит провозглашаемому тезису формирования политической, а не этнической нации. При этом прослеживается использование виктимизирующих конструктов для конструирования концепта моноэтнического государства.

Развитие тезиса о моноэтническом характере украинского государства имело место быть и ранее. В частности, в монографии Днистрянского М. С. «Этнополитическая география Украины: проблемы теории, методологии, практики» (2006 г, Львов) обосновывается моноэтнический характер украинского социума. Автор формирует собственную классификацию государств, основанную на количественном анализе этнонациональной структуры населения Украины в компонентном и в территориальном отношении, утверждая, что полиэтничность государства определяется не самим фактом наличия представителей различных этнических общностей, а множественностью ареалов коренных этнических территорий (Дністрянський 2006, стр. 60). Украину он относит к категории «преимущественно моноэтнических государств, более 80% территории – это ареал расселения одного этноса при наличии сравнительно небольших ареалов компактного рас-

селения этнических меньшинств и малых коренных народов», утверждая, что украинское государство имеет все основания как национальное государство с одной региональной автономией, Автономной Республикой Крым (Дністрянський, 2006, стр. 421).

Более того, автор говорит о гиперболизации полиэтничности как недостатке этнологических и этнополитических украинских исследований, относя его к пережитками советских стереотипов (Дністрянський 2006, стр. 421). В частности, он критикует тезис о том, что Украина является даже более многонациональной страной, чем Россия. Тезис был звучен в работе Митряевой С.И, опубликованной в работе «Межнациональные аспекты консолидации украинского общества», которая была издана в Ужгороде, регионе русинского сепаратизма. В работах Степико М. Т. так же обосновывался моноэтнический характер украинской нации на основании того, что по результатам Всеукраинской переписи населения 2001 г, украинцами себя считают 77,8% граждан Украины (Степико, 2011, стр. 34), утверждалось, что украинское государство может формировать собственную политику украинской национальной идентичности которая обладает и этническим, и национальным контекстом (Степико, 2011, стр. 284).

Тем не менее, в работах наиболее авторитетных украинских исследователей Украина всегда рассматривалась как полиэтничное государство. В частности, для решения проблемы увеличения национальной дистанцированности населения, которая по данным социологических исследований нарастала на протяжении 1992 – 2008 гг. и могла привести к активизации межэтнических конфликтов, профессор А. Майборода предлагал украинскую нацию позиционировать как украинскую полиэтничную нацию, которая бы объединяла все этнические сегменты (Степико, 2011, стр. 103).

Но на данный момент можно наблюдать активизацию в научных публикациях конструирования представлений о ее моноэтническом характере. Критике подвергается присутствующий в научной литературе тезис о 130 этносах, зафиксированных в переписи 2001 года, а полиэтничный характер Украины оценивается как советская мифология, как продукт российской пропаганды, вмешательство «нынешней кремлевской власти» во внутренние дела Украины для «защиты» русских и русскоязычного населения, сформулированный без учета численности каждого из этносов, проживающих на территории Украины, а также стран их происхождения, срока пребывания и особенностей территориального размещения.

При этом для обоснования вывода о моноэтническом характере украинского общества дается отсылка на социологические исследова-

ния, проведенные в марте 2017 г. ведущими украинскими социологическими центрами (в частности, Рейтинг, Центр имени Разумкова), согласно которым украинцами по национальности себя считают 90,6 % населения, русскими - 6,3 %, представителями других нацменьшинств - 2,7 % (Основні засади та шляхи формування..., 2017, стр. 26).

Такие изменения по сравнению в результатами Всеукраинской переписи населения 2001 г., когда в целом по Украине украинцами идентифицировали себя 77,8 %, русскими - 17,3 %, представителями других нацменьшинств - 4,9 %, объясняется тем, что общественно-политическая ситуация в течение последних 16 лет в украинском государстве (Оранжевая революция, Революция Достоинства, оккупация Крыма, война на Востоке Украины) привела к увеличению уровня национального сознания среди украинского населения и процент лиц, которые идентифицируют себя как представители Украинской титульной нации. Соответственно, Украина вполне может позиционировать себя как моноэтническое государство, а государственной власти необходимо воспользоваться таким всплеском национального сознания для завершения процессов национальной консолидации украинского общества. Региональные же различия в этническом составе населения признаются не существенным фактором влияния на состояние этнополитических отношений в современной Украине, а искусственно и сознательно поддерживаемыми и подчеркиваемыми отдельными политическими силами, так и соседними государствами, заинтересованными в расшатывании этнополитической ситуации в Украине (Підбережник, 2018, стр. 70).

Необходимо отметить, что указанное исследование было проведено социологической службой Центра Разумкова 3-9 марта 2017 г. во всех регионах Украины и, как отмечается в информации об исследовании, без учета «Крыма и оккупированных территорий Донецкой и Луганской области». Опрошено было 2 016 респондентов возрастом от 18 лет (Основні засади та шляхи... 2017, стр.4), что ставит под сомнение репрезентативность исследования для оценки этнического состава всего государства и сопоставимость его с результатами Всеукраинской переписи населения. Кроме того, нельзя исключать возможного влияния на результаты исследования спирали молчания. С 2001 года ситуация количественными этническим составом населения значительно изменилась, что не позволяет на данный момент делать какие-либо выводы по демографическому и этническому составу населения без проведения полномасштабной переписи населения.

ВЫВОДЫ

Основным паттерном виктимизирующей риторики украинской государственной власти в отношении России является борьба Украины против развязанной против нее со стороны «российского режима гибридной войны». На данный момент происходит активная трансформация и расширение присутствующих в украинском информационном поле основных виктимизирующих нарративов, которые в постсоветский период активно использовались для геополитического дистанцирования от Российской Федерации и реализации идей виктимного национализма. Дискурс жертвы-народа сменяется на дискурс жертвы-героя. Нарративы о Майдане, истории Украины как постоянной борьбы за собственную государственность в совокупности с сопротивлением гибридной агрессии России становятся консолидирующим украинское общество фактором. Продуцирование и обоснование новых смыслов виктимизации украинского общества, призванного довести до логического завершения формирование украинской нации, обосновывается в исследованиях научной элиты Украины. Успешное развитие и консолидация украинского общества вопреки развязанной Россией гибридной войне позиционируются как основной объединяющий маркер украинской нации, новый триггер консолидации украинского общества. При этом в дискурсе украинского научного сообщества закрепляется идея о том, что путь консолидации Украины так или иначе лежат через антирусскость, в том числе через конструирование виктимизирующих смыслов. Более того, долгое время используемый украинской научной элитой тезис о разделенности Украины объявляется навязанным со стороны Российской Федерации для дезинтеграции Украины.

Очевидные признаки консолидации украинского общества, фиксируемые через вопросы социологических исследований, связанные с демонстрацией украинской идентичности и лояльности государству, противоречат нарастанию ксенофобских настроений, неготовности значительного количества жителей защищать государство с оружием в руках и значительному негативному восприятию роли Евромайдана для развития Украинского государства.

Научной элитой обосновывается идея об украинскости в ее этническом преломлении как о единственном способе сохранения украинской государственности перед внешней угрозой, что противоречит провозглашаемому тезису формирования политической, а не этнической нации. При этом прослеживается использование виктимизирующих конструктов для формирования концепта моноэтнического госу-

дарства, а поліетнічний характер України, зафіксований в перепиши 2001 г. оцінюється як радянська міфологема, як продукт російської пропаганди, втручання «нинішньої кремлівської влади» во внутрішні справи України для захисту росіян і російськомовного населення.

Список литературы

- BBC. (22. 11. 2014). *На Украине почтили память жертв Голодомора*. Получено из: https://www.bbc.com/russian/international/2014/11/141122_ukraine_famine_anpo
- Musiyezdov, O. (2020). *How Ukrainians have changed over last nine years: First results of the World Values Survey*. Retrieved from: <https://ukrainian-studies.ca/2020/12/17/world-values-survey-in-ukraine/>
- Stryjek, T., Konieczna-Salamatin, J., & Zacharuk, K. (2017). *Raport: Ukraińcy o historii, kulturze i stosunkach polsko-ukraińskich*. Получено из: <https://www.nck.pl/badania/projekty-badawcze/raport-ukraincy-o-historii-kulturze-i-stosunkach-polsko-ukrainskich>
- Аникин, Д. А. (2017). Изображая жертву: коллективные травмы и сакрализация прошлого. В *Философская антропология жертвы: материалы. Всероссийской конференции с иностранным участием. Самара, 12-14 октября 2017 года*, (стр. 152-159). Самара. Самарская гуманитарная академия.
- Велешко, Е. Н. (2007). *Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов*. Симферополь.
- Гриневич, Л. (2011). *Хроніка колективізації та голодомору в Україні 1927–1933. Том I: Початок надзвичайних заходів. Голод 1928–1929 років. Книга 3* (2012). Київ. Критика. Получено из: <http://holodomor33.org.ua/materialy-zahodiv-iz-vshanutannya-zhertv-holodomoru-2013>.
- Дністрянський, М. С. (2006). *Етнополітична географія України: проблеми теорії, методології, практики*. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка.
- Красівський, О., & Підбережник, Н. (2019) Етнополітичні виклики національній безпеці України. *Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України*, (3-4), 35-49
- Кресіна, І. (2019). Етнокультурна автономія як політико-правовий інститут захисту прав національних меншин. *Наукові записки Інституту Політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України*, (3-4), 204-223.
- Лосев, І. (2019). Межа дискусії. Про політичний сенс національно-культурної ідентичності. *Український тиждень*, (44), 22–23.

- Основні засади та шляхи формування спільної ідентичності громадян України. Інформаційно-аналітичні матеріали до Круглого столу 12 квітня 2017 р.* Київ: Центр Разумкова.
- Парахонський, Б. О., & Яворська Г. М. (2019). *Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл.* Київ : НІСД.
- Підбережник, Н. П. (2018). Виклики та загрози у сфері етнополітичних відносин в Україні на сучасному етапі. *Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. Серія : Державне Управління, (2), 68-75.*
- Пробелы и совпадения: исследование нарративов в общественном сознании Германии, России и Украины. Экспертный доклад.* (2020). Москва: Inmedio Peace Consult; Институт права и публичной политики.
- Портнов, А.В. (2010). *Упражнения с историей по-украински.* Москва: ОГИ; Полит.ру, Мемориал.
- Потапенко, Я. (2015). Рецептія Євромайдану в сучасному українському соціокультурному дискурсі. *Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України, (4), 4-21.*
- Рафальський, О. О. (2018). *Консолідація Українського Суспільства: етнополітичний вимір.* Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України.
- Римаренко, С. (2017). Регіональні аспекти соціокультурних трансформацій в Україні. В *Етнополітичний контекст соціокультурних трансформацій у сучасній Україні*, (стр. 284–309). Київ: ІПіЕНДім. І. Ф. Кураса НАН України.
- Степико, М. Т. (2011) *Українська ідентичність: феномен і засади формування.* Київ: НІСД.
- Українська Миротворча Школа (2016). *Стратегія подолання поділеного і травматичного минулого. Коротке бачення для України.* Получено из: <http://peace.in.ua/strateliya-podolannya-podilenohto-itravmatychnohtomyuloho-kortke-bachennya-dlya-ukrajiny/>

Reference

- Anikin, D.A. (2017). Portraying the victim: collective trauma and sacralization of the past. In *Philosophical anthropology of the victim: materials of the All-Russian conference with foreign participation. Samara, October 12-14, 2017*, (pp. 152-159). Samara. Samar. humanizes. academic. (In Russian).
- Basic principles and ways of forming a common identity of citizens of Ukraine.* (2017). Information and analytical materials for the Round Table on April 12, 2017. Kyiv: Razumkov Center. (In Ukrainian).
- BBC. (22. 11. 2014) *Ukraine commemorates Holodomor victims.* Retrieved from: https://www.bbc.com/russian/international/2014/11/141122_ukraine_famine_an no. (In Russian).

- Book 3 (2012). Kyiv: Critique. Retrieved from <http://holodomor33.org.ua/materialy-zahodiv-iz-vshanuvannya-zhertv-holodomoru-2013>. (In Ukrainian)
- Dnistryansky, M.S. (2006). *Ethnopolitical geography of Ukraine: problems of theory, methodology, practice*. Lviv: Ivan Franko Lviv National University Publishing Center. (In Ukrainian).
- Gaps and Coincidences: A Study of Narratives in the Public Consciousness of Germany, Russia and Ukraine. Expert report*. (2020) Moscow: Inmedio Peace Consult; Institute of Law and Public Policy. (In Russian).
- Hrynevych, L. (2011). *Chronicle of collectivization and famine in Ukraine 1927–1933. Volume I: The beginning of emergency measures. The famine of 1928–1929*. (In Ukrainian)
- Krasivsky, O., & Pidberezhenyuk, N. (2019). Ethnopolitical Challenges to the National Security of Ukraine. *Scientific Notes of the Institute of Political and Ethnonational Research. IF Kuras NAS of Ukraine*, (3-4), 35-49. (In Ukrainian).
- Kresina, I. (2019). Ethnocultural autonomy as a political and legal institute for the protection of the rights of national minorities. *Scientific notes of the Institute of political and ethno-national research. IF Kuras NAS of Ukraine*. 2019, (3-4), 204-223. (In Ukrainian).
- Losev, I. (2019). The limit of the discussion. On political-national-cultural identity. *Ukrainian Week*, (44), 22–23. (In Ukrainian).
- Musiyezdov, O. (2020). *How Ukrainians have changed over last nine years: First results of the World Values Survey*. Retrieved from: <https://ukrainian-studies.ca/2020/12/17/world-values-survey-in-ukraine/>
- Parakhonsky, B. O., & Yavorskaya G. M. (2019). *Ontology of war and peace: security, strategy, meaning*. Kyiv: NISD. (In Ukrainian).
- Pidberezhenyuk, N.P. (2018). Challenges and threats in the sphere of ethno-political relations in Ukraine at the present stage. *Bulletin of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine. Series: Public Administration*, (2), 68-75. (In Ukrainian).
- Portnov, A. V. (2010) *Exercises with history in Ukrainian*. Moscow: OGI; Polit.ru, Memorial. (In Russian).
- Potapenko, J. (2015). The reception of Euromaidan in modern Ukrainian socio-cultural discourse. *Scientific notes of the Institute of Political and Ethno-National Studies. IF Kuras NAS of Ukraine*, (4), 4-21. (In Ukrainian).
- Rafalsky, O. O. (2018). *Consolidation of Ukrainian society: ethnopolitical dimension*. Kyiv: Institute of Political and Ethno-National Studies. IF Kuras NAS of Ukraine. (In Ukrainian).
- Rymarenko, S. (2017). Regional aspects of socio-cultural transformations in Ukraine. In *Ethnopolitical context of socio-cultural transformations in modern Ukraine*, (pp. 284–309). Kyiv: IPIENDim. IF Kuras NAS of Ukraine. (In Ukrainian).

- Stepyko, M. T. (2011). *Ukrainian identity: phenomenon and principles of formation: monograph*. Kyiv: NISD. (In Ukrainian).
- Stryjek, T., Konieczna-Sałamatin, J., & Zacharuk, K. (2017). *Raport: Ukraińcy o historii, kulturze i stosunkach polsko-ukraińskich*. Retrieved from: <https://www.nck.pl/badania/projekty-badawcze/raport-ukraincy-o-historii-kulturze-i-stosunkach-polsko-ukrainskich> (In Polish).
- Ukrainian Peace School. (2016). *Strategy for overcoming the shared and traumatic past. Short vision for Ukraine*. Retrieved from: <http://peace.in.ua/stratehiya-podolannya-podilenoho-itravmatychnoho-mynuloho-korotke-bachennya-dlya-ukrajiny/> (In Ukrainian).
- Veleshko, E.N. (2007). *The influence of victim factors on the political behavior of the Crimean Tatar repatriates*. Simferopol. (In Russian).